

Глава первая

ИЗ ТЬМЫ ВРЕМЕН

Конечно, без машины времени нам никогда не определить точно, когда среди людей завелись воры, разбойники, пираты и прочие криминальные элементы, предпочитавшие не зарабатывать на жизнь честным трудом, а украдкой присваивать либо открыто отбирать чужое. Однако кое-какие догадки (учитывая человеческую природу и кое-что другое) строить можно. Разумеется, не претендуя на истину в последней инстанции, но тем не менее...

Начнем с того, что аналоги преступной деятельности испокон веков существуют в животном мире. Когда стая гиен крутится вокруг завалившего антилопу льва, пытаясь улучшить момент и оторвать себе кусок, по сути это мало чем отличается от грабежа. Сороки, и особенно вороны, известны как завятые воровки, сплошь и рядом волокущие к себе в гнездо не вульгарную еду, а какие-нибудь красивые блестящие предметы (похоже, у них есть своеобразные эстетические потребности, а?).

В свое время ученые провели интересный эксперимент с обезьянами. Определенное количество раз качнув рычаг, обезьяна получала жетон, который

могла обменять на фрукты. Наши, как утверждают некоторые, дальние родственники быстро поняли суть дела. И начались интересные коллизии...

Одни тут же проматывали заработанное на яблоки и бананы. Другие, наоборот, старательно копили жетоны. Но самое интересное, почти сразу же завелись экземпляры, сами вкалывать ни за что не желавшие... Одни украдкой таскали у «бережливых» жетоны, другие нападали на работающих и отнимали заработанное теми в открытую. Вот вам и воровство с грабежом прямо-таки в классическом виде.

Нюанс в том, что все эти представители фауны попросту не осознают, что совершают преступление. Нет в животном мире ни понятия преступления, ни препятствовавших бы ему законов. Инстинкты-с... Совсем другое дело — человек. Обладая разумом, он прекрасно осведомлен о существовании законов, но преспокойно нарушает и нарушает таковые, поскольку, увы, издавна привык применять разум не для одних лишь добрых дел...

Точно так же, как кто-то открыл разжигание костра, колесо или лук со стрелами, кто-то непременно должен был открыть воровство, грабеж и разбой. И эти открытия наверняка распространялись в человеческом обществе так же быстро, как колесо или седло... Такова уж человеческая натура, увы.

А потому я рискну предположить, что преступность зародилась еще в доисторические времена, не исключено, в каменном веке. Вряд ли начали с воровства — в тогдашних условиях гуманоида, вздумавшего бы воровать что-то у соплеменников, вычислили бы быстро и, к бабке ходить не надо, покритиковали бы дубиной по башке. А вот грабеж и разбой... Они,

скорее всего, появились гораздо раньше воровства. Потому что было кого грабить и было что грабить.

Археологи давным-давно установили: уже в каменном веке, примерно за 12 000 лет до нашей эры, в Европе существовали торговые пути (иногда пролежавшие по рекам, иногда по суше). И этими путями двигались древние странствующие торговцы, «коробейники» доисторических времен. Их склады-«захоронки» в немалом количестве найдены в той же Европе — всегда вдали от человеческих поселений, поблизости от помянутых торговых путей. «Купцы» каменного века оставляли часть своего товара в укромном местечке, чтобы потом, вернувшись, забрать их и отправиться куда-то в другое место. А коли уж «захоронка» осталась на прежнем месте, досталась археологам в целостности и сохранности, это может означать одно: ее владелец погиб.

Разумеется, денег еще не существовало, и потому купцы (пожалуй, это слово следует писать без кавычек) занимались натуральным обменом: каменные топоры, наконечники стрел и копий, другие изделия из камня, соль, зерно, янтарь, знаменитые раковины каури, служившие и украшением, и подобием денег. Торговый путь мог тянуться на тысячу-две километров: например, с юга нынешней Италии до нынешней Голландии, от нынешнего Триеста на Адриатическом море до нынешнего польского Эльблонга на Балтике (крупного центра добычи янтаря). Предполагают, что купцы плавали и шли небольшими группами, а то и в одиночку.

И сам собой напрашивается вопрос: почему этих «захоронок», товаров, за которыми владелец не вернулся исключительно по причине смерти, как пишут

археологи, «огромное количество»? Как и почему погибли купцы? Конечно, смерть многих можно списать на нападение диких зверей, укус ядовитой змеи и прочие, чисто природные опасности. Да что там, купцу-одиночке достаточно подвернуть ногу на тропе — и конец (даже в наше время в тайге случается, что подвернувший или сломавший ногу человек погибает едва ли не в двух шагах от оживленной автотрассы или деревни, до которых не в состоянии доползти).

Дикого зверья в то время было предостаточно. Однако, как я уже говорил, часть торговых путей пролегла по рекам, а река в этом плане гораздо более безопасна, чем суша: и штормов на большинстве европейских рек не бывает, и нет водяных опасных хищников наподобие крокодилов. И тем не менее пропадали без вести, никогда уже не вернувшись за своим припрятанным товаром, и странствовавшие водными путями купцы...

Так почему бы не предположить, что иные из них стали жертвами дорожных разбойников, уже в те времена сообразивших, что можно напасть и отнять, не оставляя свидетелей? Уж если обезьяны, обнаружив, что у их соплеменников завелось некоторое количество материальных ценностей, едва ли не моментально сообразили, что их можно красть и отнимать, человек мог прийти к тем же выводам не менее быстро. Так что первые разбойники завелись на торговых путях наверняка в те самые доисторические времена.

Один из популяризаторов науки писал, на мой взгляд, чересчур оптимистично: «Многочисленные данные (какие?! — А. Б.) говорят о том, что на торговых путях, пересекавших в доисторические вре-

мена Европу и Азию, царил всеобщий мир. Люди, проложившие все эти пути, были очень заинтересованы в мире, и не потому, что слишком уж ценили человеческую жизнь, — потому что злоумышленники могли прервать жизненно необходимые поставки товаров».

Считайте меня циником, но автор этих строк чересчур уж верит в благонравие и законопослушность доисторического человечества... А впрочем, дело даже не в цинизме, а в насквозь практических соображениях. Ну каким образом можно было обезопасить от тогдашних разбойников торговый путь, сотнями километров пролежавший по совершенно безлюдным местам? При том что не было ни государств, ни полиции и дорожной стражи, ни средств связи? И каким образом можно было добиться «всеобщего мира»? Для этого пришлось бы созвать этакий всеевропейский съезд племен и выработать некие правила — но о подобных съездах не заикался ни один историк...

Если воспользоваться опытом не так уж и далеко отстоящих от нас столетий, можно сделать два вывода. Во-первых, когда уже столетиями действовали писанные законы и за их соблюдением следили сильные и развитые «силовые структуры», вору-разбойнички продолжали вовсю шалить на дорогах, частенько не в глуши, а где-нибудь под Парижем, Лондоном или Москвой. Вдоль этих дорог сплошь и рядом торчали виселицы, на которых болтались те, кому не повезло, но это мало кого останавливало — каждый думал, что уж он-то самый ловкий и лично его ни за что не поймают...

Во-вторых, полностью прервать «жизненно необходимые поставки товаров» не способны никакие

злоумышленники. В свое время пираты прямо-таки кишмя кишели и в Карибском море, и в Атлантике, и в Тихом и Индийском океанах, и в Средиземном море, и даже в Ла-Манше, не говоря уж о Балтике, — но, как они ни усердствовали, удавалось «отщипнуть» лишь часть грузопотока, включая американское золото. Так что я остаюсь при твердом убеждении: дорожные разбойники должны были появиться уже в каменном веке.

А вот воры, согласно тем же логическим выводам, должны были появиться гораздо позже — когда возникли города (особенно большие, где каждый уже не знал каждого), появились склады с товарами, богатые дома, где имелось немало дорогих вещичек, наконец, царские сокровищницы и казначейства (вряд ли фольклор, повествующий о хитрых ворах, рискнувших покуситься на царские сокровища, — плод чистой фантазии).

Есть общая закономерность: как только появляется письменность, почти сразу же возникают разнообразные «уголовные кодексы», сплошь и рядом хорошо проработанные и четко прописанные, — кое в чем не уступающие современным. За этим безусловно стоит большой и печальный опыт дописьменной эпохи...

И еще один прелюбопытный нюанс: практически одновременно с появлением писаных законов начинается то, что можно назвать «романтизацией преступного мира». Писанный фольклор множества стран (опирающийся явно на вековые традиции устных рассказов) полон баек о ловких ворах, о коих, в общем, повествуется без всякого осуждения, скорее, с некоторым восхищением их проворством

и находчивостью. Чего уж говорить о потоке баллад, народных песенок и повестей о «благородных» разбойниках, берущих начало в давние, очень давние времена...

Почему так получилось (и получается до сих пор, судя по иным современным романам и фильмам), никто еще, по-моему, не смог объяснить предельно ясно. Ну вот так получилось, и все тут... Дело, конечно, не в том, что сочинители, слушатели, читатели и зрители сами втихомолку мечтали и мечтают о криминальной карьере. Это вряд ли. Тут что-то другое. Быть может, в давней, повсеместной и серьезной нелюбви народов к власти. И налоги она дерет, и рекрутов требует, вообще притесняет по-всякому. А всякий вор-разбойник в первую очередь еще и активный враг власти, сплошь и рядом открыто ей противостоящий. Как знать, возможно, в этом что-то есть...

Люди постарше помнят, как во времена разгара (угара) перестройки, не к ночи будь помянута, могучим мутным потоком и со страниц газет-журналов, и с телеэкранов, в радиопередачах лилась всевозможная дрянь на русский народ. Его обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах, приписывали черт знает что. С неизменным припевом: русские — варварская нация, безнадежно отставшая на столетия от «цивилизованных и демократических» европейских народов. А потому русским следует каяться абсолютно перед всеми ближними и дальними соседями абсолютно за все, вплоть до падения Тунгусского метеорита. Ну да, и сейчас иные тварюшки поют те же песни — но времена настали другие, поток давно превратился в узенький грязный ручеек, который легко перешагнуть, не запачкав подошв.

К чему это я? К тому, что однажды, давненько, пришлось прочитать статейку того же направления. На сей раз автор на полном серьезе уверял, будто русские — самый криминализованный народ в мире. Поскольку-де «только в русском фольклоре» воры и разбойники выступают положительными героями... Писака этот даже носил звание кандидата которых-то гуманитарных наук (советской, ессно, выпечки).

Лично у меня подобные писания всегда вызывали не раздражение или обиду, а здоровый смех. Поскольку лишний раз демонстрировали невежество нашей интеллигенции, в том числе и обремененной учеными степенями. В самом деле, как тут не ржать? Если автор статьи понятия не имеет, что положительными героями воров-разбойничков порой изображают во всем мировом фольклоре? Что в западноевропейской литературе довольно долго существовало целое направление под названием «плутовской роман», где с явной симпатией описывались похождения ловких плутов, пусть и не грешивших прямой уголовщиной, но средства к жизни добывавших всевозможными аферами в хорошем стиле Остапа Бендера...

(Отголоски этого то ли направления, то ли жанра докатились и до России. Анонимная «Повесть о Фроле Скобееве» XVII века — классический плутовской роман. Как и написанные в пушкинские времена Фаддеем Булгариным «Похождения Ивана Выжигина» [между прочим, бестселлер того времени].)

И наконец... Именно в русском фольклоре довольно мало песен и сказок, где романтизируются воры-разбойнички. Зато хватает былин, где показанный без всякой симпатии разбойник либо раскаива-

ется и уходит в монастырь замаливать грехи, либо кончает с собой, осознав, что жил глубоко неправильно и крайне грешно.

Зато англичане... У них как раз существует с давних времен мощный пласт фольклора (как поэтического, так и прозаического) о благородном разбойнике из Шервудского леса Робин Гуде, который беспощадно грабил богатых, а награбленное неустанно раздавал бедным, народный печальник. За ним, правда, все время гонялись сущие исчадия ада, шериф Ноттингемский и королевский рыцарь Гай Гисборн, но благородный разбойник, как ему и полагается по роли, все время оставлял их в дураках.

Вот это и есть классическая, стопроцентная романтизация чисто уголовного элемента. Английские историки давненько уж писали: прототипы Робин Гуда (которые определенно существовали) были вульгарными разбойниками и браконьерами. А если и подбрасывали денежку кому-то из местных жителей, то только тем, кто с ними сотрудничал: прятал при необходимости, снабжал едой, предупреждал об облавах и тому подобное (в любой стране главарь разбойничьей шайки всегда стремился создать сеть подобных добровольных помощников).

Но исторические труды сами по себе, а народное творчество — само по себе. И не только фольклор: Робин Гуд в качестве такого благородного рыцаря без страха и упрека попал и на страницы английской классики, конкретнее — в роман Вальтера Скотта «Айвенго». Ну а уж когда к романтизации сей персоны подключился Голливуд, дело приняло вовсе уж широкий размах. Можно добавить, что и советские

киношники внесли свои пять копеек: многие должны помнить фильм о чертовски благородных Робине и его сподвижниках, «Стрелы Робин Гуда» (отличный, между прочим, фильм, с великолепными песнями Высоцкого). А впрочем, говорил герой одного романа: «Это особенно вредно, потому что талантливо...»

Памятник Робин Гуду давным-давно поставлен в Англии (кажется, в том самом Ноттингеме близ Шервудского леса). Однако порой процесс романтизации дает сбой. Некто, оставшийся неизвестным, пустил в народ пошлый, но смешной анекдот: «Жила-была девушка по имени Робин Гуд. У богатых брала, бедным давала». А Юрий Никитин недавно выпустил великолепный роман «О доблестном рыцаре Гае Гисборне», где в полном соответствии с исторической правдой изобразил Гая Гисборна борцом за закон и порядок, а «веселых молодцев» из Шервудского леса — уголовной гопотой без тени романтики, благородства и печали о народном благе. Как оно и было в реальности...

Чтобы еще немного поговорить о романтизации уголовщины, снова обратимся к английской классике. Чарльз Диккенс, роман «Посмертные записки Пиквикского клуба». Декорации следующие: слуга главного героя романа, разбитной парень Сэм Уэллер, решил душевно посидеть в кабачке с отцом-кучером и несколькими отцовскими друзьями (коллегами Уэллера-старшего по профессии).

Англичане (особенно «из простых») всегда любили выпить как следует, не воробьиными глотками, а совершенно как русские люди. И, в точности как русские, любили, оросив душу изрядным коли-

чеством дешевого и крепкого джина (излюбленный напиток у английского простонародья, как у нашего — водка), горланить песни, потому что без этого и застолье — не застолье.

Вот и наши герои, дойдя до нужной кондиции, начинают петь. Что же они поют? Лирические песенки о свидании влюбленных? Песенки юмористические? Баллады о славных деяниях старинных королей? (Всеми этими разновидностями английский песенный фольклор крайне богат.)

Так вот, ничего подобного, господа мои! Слово — Чарльзу Диккенсу:

«После такой прелюдии м-р Сэмюэл Уэллер сразу запел следующую бурную и прекрасную легенду, которую мы позволяем себе привести, предполагая, что она не всем известна...

РОМАНС

Наш Терпин вскачь по Хаунсло-Хит
погнал кобылу Бесс — эх!
Вдруг видит он — епископ мчит
ему наперерез — эх!
Он догоняет лошадей,
в карету он глядит.

«Ведь это Терпин, ей-же-ей!» —
епископ говорит.

Х о р:

«Ведь это Терпин, ей-же-ей!» —
епископ говорит.

А Терпин: «Свой лихой привет
ты с соусом глотай — ай!»
И прямо в глотку — пистолет,